ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Б А Б А Б А Д А М В
А В И Л А Д А М Т А
Р А Р А Д А М Г Р О
М О М Г Р И М О М Х
Р О М О М Г Р Ы М О
М Н Е В Т О Н О М П
Е Т Р О П Е Р У Н О
М П Е Р К У Н О М У
К К О Н О М У Х Н У
Л Р У Х Н У Л Б У Х

ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ

ракетень

Джеймс Джойс

Поминки по Финнегану. Первый эпизод с путеводителем

https://litres.ru/74811002
SelfPub; 2026

Аннотация

«Поминки по Финнегану», последнюю книгу Джеймса Джойса, принято считать непереводимой. Это книга-сон: одна ночь дублинского трактирщика, рассказанная языком сновидений, где каждое слово звучит на несколько голосов сразу. Здесь — её первая глава, увертюра ко всей книге: каменщик Финнеган срывается с лестницы, на его поминках вся округа рыдает и пьёт, покойник вскидывается, едва заслышав про виски, — и его уговаривают лежать смирно, ведь на смену ему уже приплыл новый хозяин.

Алексей Шерстнёв и Корней Боргояков не переводят Джойса слово в слово, а пересоздают по-русски — так, как сам автор, перенося главу «Поминок» на французский и итальянский, писал её заново. В стобуквенном громе падения у них грохочет Перун, а главный судья — звук: эту прозу стоит читать вслух.

Перед главой стоит путеводитель: эпизод разобран на сцены, у каждой есть название и начальные слова, в конце — карта. Он ничего не толкует, а только не даёт заблудиться.

Содержание

От издательства «Рекатечь» 6
Путеводитель к главе I.1 7
- Как пользоваться путеводителем 8
- Если совсем коротко 9
- Как устроены слова этой книги 11
- Что за книга перед вами 12
- Кто есть кто 13
  - Отец: Финнеган — он же Х.Ч.Э. 13
  - Мать: Анна Ливия 14
  - Сыновья-близнецы 15
  - Дочь 16
  - Две девушки и три солдата 16
  - Четверо старцев 17
  - Двенадцать 17
  - Катя и Саксон 17
  - Гости из легенд 18
- Где мы 19
  - Дублин 19
  - Хоут 19
  - Феникс-парк 20
  - Чейплизод 20
  - Россия поверх Ирландии 20
- Карта главы: участок за участком 22

§1. Река бежит по кругу 22
§2. Ещё нет 22
§3. Падение 23
§4. Драка всех со всеми 24
§5. Строитель 25
§6. Герб 26
§7. Отчего он упал 26
§8. Поминки 27
§9. Великан на блюде 28
§10. Спящий великан и вход в музей 29
§11. Музей Кутузингтона 29
§12. Курочка на поле боя 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Джеймс Джойс
Поминки по Финнегану.
Первый эпизод
с путеводителем

От издательства «Рекатечь»

В этой книге — первая глава «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса в новом русском переводе Корнея Боргояакова и Алексея Шерстнёва. Главе предшествует путеводитель: он подскажет, кто есть кто, где разворачивается действие и как читать слова-чемоданы, из которых сложен роман.

Весь роман — четыре книги, семнадцать глав и путеводитель к каждой — переводчики готовят к печати одним томом в своём издательстве «Рекатечь». Как следить за новостями, рассказано в конце книги.

Путеводитель к главе I.1

Путеводитель к первой главе: о чём она, кто в ней действует, карта из 32 участков с первыми словами каждого.

Как пользоваться путеводителем

Глава разбита на 32 участка, они обозначены знаком § (от §1 до §32). У каждого участка указаны его первые слова — по ним легко найти в главе, где вы сейчас. Участок тянется до первых слов следующего. Внутри сказано, что там происходит, к чему клонит рассказчик и кто действует.

Главное правило: понимать всё с первого раза не нужно. Джойс писал книгу так, чтобы её перечитывали. Хватит, если вы знаете, где вы, кто перед вами и что примерно случилось. Остальное придёт на втором круге — а у этой книги, как вы скоро узнаете, круги и есть устройство.

Если совсем коротко

Жил-был каменщик Финнеган, строитель-богатырь и большой любитель выпить. Однажды утром он, хмельной, сорвался с лестницы и разбился насмерть. Его уложили на смертный одр, у ног — выпивка, у головы — пиво, и устроили шумные поминки. На поминках покойник вдруг поднял голову и возмутился, что его хоронят. Гости уложили его обратно: лежи, мол, тебе там лучше, у нас всё по-прежнему, а на твоё место уже прибыл новый человек — с женой и тремя детьми.

Это сюжет старой ирландско-американской комической песни «Поминки по Финнегану» (впервые её напечатали в Нью-Йорке в 1864 году). Только в песне всё кончается тем, что покойник оживает от пролитого на него виски; уговоры лечь обратно и новый жилец — это уже Джойс. Сюжет песни держит всю главу, как каркас. Но Джойс в него вставляет всю историю мира: в падение Финнегана помещаются и грехопадение Адама, и падение Шалтая-Болтая со стены, и крах Вавилонской башни, а в его тело — весь Дублин (а в русском воссоздании — ещё и Россия: Петербург, Москва, Новгород). Поэтому между «упал» и «проснулся» мы успеваем побывать в музее битвы, послушать двух дикарей у могильного кургана, прочитать древнюю летопись, узнать, как изобрели буквы, и услышать сказку о морской разбойнице,

которая дважды похищала чужих детей.

Вся глава — это много рассказов об одном и том же: кто-то большой падает, вокруг галдят, а жизнь начинается заново.

Как устроены слова этой книги

Почти каждое трудное слово здесь — чемодан, в который уложены два-три обычных слова. Такие слова так и называют — словами-чемоданами: с чемоданом их сравнил ещё Шалтай-Болтай в «Алисе в Зазеркалье» — раскроешь, а там два отделения. Возьмите «бутелохранитель» — бутылка и телохранитель. «Кутузингтон» — Кутузов и Веллингтон, два победителя Наполеона в одном человеке. «Финникс» — сразу Финн, птица феникс, которая сгорает и воскресает из пепла, и дублинский Феникс-парк. А «щекотехизис» — щекотка и катехизис: так в сказке учат уму-разуму похищенного мальчишку. Стоит заметить слова внутри — и чемодан открыт.

Три приёма помогут вам почти всегда.

Первый: читайте вслух или хотя бы шёпотом. Многие слова раскрываются на слух, а не на глаз: «жаждверг» — это жажда и четверг, а «траутром» — траур и утро.

Второй: ищите знакомое. Под незнакомым словом часто лежит поговорка, строчка из Пушкина, молитва или детская сказка. «Финфуфу, рыбьим духом разит» — это Баба-яга с её «Фу-фу, русским духом пахнет». «Не сразу Москва улыбалась» — из пословицы «Москва не сразу строилась».

Третий: если слово не раскрылось, просто идите дальше. Смысл фразы обычно понятен и так, а слово догонит вас позже: в этой книге всё повторяется.

Что за книга перед вами

Джеймс Джойс (1882–1941) писал «Поминки по Финнегану» семнадцать лет; книга вышла в 1939 году. Это книга о ночи и сне: о том, как во сне всё смешивается — люди, языки, эпохи, отец и сосед, река и женщина. Поэтому один и тот же человек выступает здесь под десятками имён, а одно слово говорит на трёх языках сразу.

Устроена книга по кругу. Джойс опирался на итальянского философа Джамбаттисту Вико: история, по Вико, проходит три века — богов, героев и людей, — потом всё рушится и начинается снова. Начало каждого цикла отмечает удар грома. Книга кончается на полуслове, а её первое слово — «рекатечь» — подхватывает эту оборванную фразу. Так что глава, которую вы сейчас откроете, начинается с середины предложения.

Кто есть кто

В этой книге мало персонажей, но у каждого — десятки масок. Узнавать их помогают приметы: буквы, повадки, вещи. У каждого главного лица своя сквозная линия через всю книгу; ниже собраны все имена, под которыми оно появляется в этой главе.

Отец: Финнеган — он же Х.Ч.Э.

Главный герой всей книги — большой, грузный, виноватый отец семейства, строитель городов и хозяин трактира. В первой главе он чаще всего Финнеган, каменщик, упавший с лестницы. Его главная примета — три звука подряд, Х, Ч, Э. У Джойса это буквы HCE (полное имя героя — Хамфри Чимпден Эрвикер, по-русски — Уховёрткин, от earwig, «уховёртка»; а ещё эти буквы читают как Here Comes Everybody, «Вот идут все»), а здесь они звучат по-русски: «Хоутскому Чертогу и Эдемским околицам», «хором, чертежей и этажей», «Хорив Чингис Эгберт», «хором, чертога и эрмитажа», «хоромы, чертоги и эрвоск», «Хмырь Чипнер, Эсквайр». Где встретилась эта троица — там он. Иногда буквы героя рассыпаны по целой фразе: «Хш-ш! Чу! Эхоландия!» (§15) или «Хлоп, чик — этак кончился Копенгаген» (§11).

Другие его приметы. Он великан, и его тело — это местность: голова лежит на мысе Хоут, ноги торчат в парке. Он заикается («Заикорукий»), и заикание выдаёт его вину. Он рыба — лосось, которого едят на поминках. И он насекомое — уховёртка, отсюда «Уху-Вёрту» и «Уховёркулес».

Его имена в этой главе: слепой старый Исаак (§2), стеностройный старпёр и Шалтай-Болтай (§3), праотец (§4), Строитель Финнеган Заикорукий (§5), Василий Буслаев из Новгорода Великаньего (§6), Филя и Тим (§7), Макул (§8 — ирландский великан Финн Мак Кул), Приам Стародубыч (§8), Сёмганассар (§9 — сёмга), Громила и честной эдил (§10), Кутузингтон (§10–11), Ампиревун (§12), Тим Тимыкан (§19), Великан Уховёркулес (§21), Ярл ван Хоутер, он же «Марк Первый» из загадки (§25), Хомфри Безответов (§26), Змей Горбуныч и Хумфру Чимпда Уху-Вёрту (§27), Финнимор, Макулище, Гожий Отменный Гунн — Г.О.Г., хожденерал Баклушов (§29). А в самом конце (§32) он приплывает заново — как Хмырь Чипнер, Эсквайр, «новый» человек, который на деле всё тот же.

Мать: Анна Ливия

Жена героя и одновременно река Лиффи, на которой стоит Дублин. Она течёт, моросит, хлопочет, подбирает за всеми, всё прощает. Её буквы — А.Л.П. (Анна Ливия Плюрабель); здесь они спрятаны, например, в слове «Азлюдипо-

кое» — так в старой славянской азбуке назывались буквы А, Л и П: аз, люди, покой (§22).

Её имена в этой главе: Ливушка (§3), Аннуська (§5), Любушка, маленькая Анни Руина, Анна Ливневая (§10), корябая пташка и мироптица — курочка на поле боя (§12), замужанна (§13), Анна Речевная (§21), проказница (§24), пранкцарица, мадамушка-Ева и «реброкрадка» (§25), Ливия Безответова (§26), Марья Невна, прекрасная королевна, и Аннастасия (§31), «рябая жёнка» (§32). Курица — её постоянный облик: в следующих главах именно курица выкопает из мусорной кучи загадочное Письмо.

Сыновья-близнецы

Два брата, вечные противники. Один — писака и шалопай (у Джойса — Шем), другой — правильный, послушный, почтальон и полицейский (Шон). Почти всегда они появляются парой.

Их имена в этой главе: Иаков и Исав (§2, §4), Джем и Шен (§2), Бронто и Брунто (§10), сын-бунтарь Шимар Шин (§11), Хлюстик и Примас (§17), Аскосматый и Медведир, Кевин и Ерёма (§19), Мутт и Ют — туземец и пришелец (§20–21), Тристофер и Хилари, они же Ларихил и Тристодуб (§25), Николкино худо и Михайлово добро (§26), Кевин и Джерри (§30), двое клопняшек (§32).

Дочь

Девочка, которая всё время раздваивается — сама и её отражение. Её имя-примета — Исеть (у Джойса — Исси, Изабель, а за ней — Изольда). Число 29 — тоже её: она и ещё двадцать восемь подружек, как дни високосного февраля («нумер — двадцать дивять» у домика матери в §12).

Её имена в этой главе: сосестрицы (§2), Исеть (§4), Стелла и Ванесса — «С её Стеллами да Ванессами» (§9), русая девица, обручённая и брошенная (§16), меднокосая девица с куклой Пупсиком (§17), Сонька, Сестрёнка да Синичка (§23), Дурачок — третий ребёнок, кукла-малыш (§25), Хетти Джейн и Эсси Шанахан (§30), «одна стрекозявка» (§32).

Две девушки и три солдата

Эту пятёрку стоит заметить сразу. В следующих главах весь город будет судачить о том, что однажды случилось в парке: там были отец, две девушки, справлявшие нужду в кустах, и три солдата, которые подглядывали. Что произошло на самом деле, не знает никто.

Их имена в этой главе: сенные девки в гербе (§6), «две белёхонькие деревоньки» и засада Фокуса да Покуса в кустах (§10), Жени и три Линолеона в музее (§11), пара голубков и троица ворон (§12), «две — за салатным листком, а трое —

в клубничных грядках» (§24).

Четверо старцев

Четыре старых летописца, они же четыре евангелиста (Матфей, Марк, Лука, Иоанн), они же четыре ирландских книжника XVII века, составивших «Анналы четырёх мастеров». Всегда вчетвером, всегда с ослом.

Их имена в этой главе: «четыре его ветхих судилища» (§7), Мамон Лукоян (§16), летописцы Нестор, Сильвестр, Пимен и Никон, спрятанные в словах «нестори-ческого», «сильвестранного», «пименитого», «никоничного» (§19), четыре сычёных мастера и четыре жаворонковых классных дамы (§25), «четверотоптуны» (§32). Их осёл: «дубосёл заиакался» (§24).

Двенадцать

Двенадцать завсегдатаев трактира, они же присяжные, горожане, апостолы. Узнать их легко по числу.

Их имена в этой главе: «двенадцать за пятачок» (§7), «дюжеунылом» (§8), «двенадцать огольцов» (§29).

Катя и Саксон

Старая служанка Катя — смотрительница музея; её по-

стоянное словечко — «Чай» (в смысле чаевые). Саксон — подручный в трактире, слуга и сторож.

Их имена в этой главе: Катя — ключница из объявления «За отмычкой обращаться к ключнице, хозяйке Кате» (§10), экскурсовод в музее (§11), старуха Катя (§31); Саксон — Съестапель Саксон (§20) и чудила Бихан (§31).

Гости из легенд

Сэр Тристрам — рыцарь из средневековой легенды о Тристане и Изольде (§2); Изольда здесь — Исеть, то есть дочь (§4). Грейс О'Мэлли — морская разбойница из ирландского предания: из неё выросла пранкцарица (§25), а пранкцарица — это мать.

Где мы

Дублин

Столица Ирландии на реке Лиффи. Почти каждое новое имя города здесь — слово-чемодан: Дьяблин (§3), Голублин (§9), «Так это и есть Дублинаш?» (§15), Дыфлинарский уезд (§16; Дифлин — так город звали викинги), Эблиниум (§17; Эблана — так у Птолемея назван город, который долго считали Дублином), Плетнёв Брод (§17), Смирноблин (§21), Дряньблин (§22), Новый Лин-Дуб (§26 — «Дублин» с переставленными слогами), Эдембург (§32).

Плетнёв Брод — точный перевод ирландского имени Дублина, Baile Átha Cliath: «город у брода из плетней».

Хоут

Холмистый полуостров к северу от Дублина. Это голова спящего великана: «Хоутом распластался» (§4), «Главой — на Вересковой Горе» (§10), «Хтоут?» (§10), «от макрограда Хоутдержись» (§14). На Хоуте стоит замок — Хоутский Чертог из первой фразы книги и замок Ярла ван Хоутера из сказки о пранкцарице (§25).

Феникс-парк

Огромный парк на западе Дублина, место таинственного проступка героя. В парке стоит обелиск в честь герцога Веллингтона — это «Кутузингтонов каменный народный музей» и «мраморциальный столпоскоп» (§10–11), — и старый пороховой склад Мэгэзин-Форт, отсюда «горба магазейного вала» (§10). Рядом — Каслнок: «у Нокаутова кургана» (§3). Само имя парка отзывается во всей главе: «финникс» (§4), «Финникс повинный» (§26), Жар-птица (§27).

Чейплизод

Пригород у парка, где стоит трактир героя. Название значит «часовня Изольды», поэтому здесь это Исетская Лавра (§10), Лавролавка (§9, §32) и лаврокапище Исети (§29).

Россия поверх Ирландии

В этом русском воссоздании сквозь Дублин всё время просвечивает Россия. Где у Джойса битва при Ватерлоо — здесь 1812 год и Кутузов. Где три викинга, основатели Дублина, — здесь Рюрик, Синеус и Трувор. Где дублинские улицы и холмы — там Нева, Мойка, Охта, Васильевский остров, Фили и Поклонная гора. Это не ошибка и не путаница: так

устроен сон, в котором всё бывает сразу.

Карта главы: участок за участком

§1. Река бежит по кругу

Начало: «рекатечь, мимо Евы и Адама»

Книга начинается с маленькой буквы, посреди фразы: её начало стоит на последней странице, и круг замыкается. Это главный закон «Поминок»: всё течёт и возвращается. Река бежит мимо дублинской церкви Адама и Евы, «от излучины берега к лукоморью», и «по коммодиозному Викову витку круговорота» — по кругу истории, как его описал Вико, — приносит нас туда, откуда всё началось. В той же фразе уже спрятан герой: «Хоутскому Чертогу и Эдемским околицам» — по первым буквам Х.Ч.Э. Он появляется раньше, чем его назовут. А пушкинское «лукоморье» с первой строки уводит из Дублина в русскую сказку.

§2. Ещё нет

Начало: «Сэр Тристрам, виолюбодей»

Время до начала времён. Абзац перечисляет то, чего «ещё нет», — и это увертюра: каждая большая тема книги звучит одной фразой и пока не случилась. Рыцарь Тристрам ещё не приплыл к Изольде; американский Дублин в Джорджии

(здесь — Грузия с рекой Курой) ещё не разросся; святой Патрик ещё не крестил Ирландию — «глас из огня» не окрестил «тыесипетроторфика», где слышны и Пётр, и Патрик, и торф; Иаков ещё не обманул слепого отца — «козлохлюст не забодал слепого старого исаака», а с этого обмана начнётся вся братская вражда книги; две сестрицы ещё не рассердились на «двуединого натанджо» — Джонатана Свифта, которого делили две Эстер, Ванесса и Стелла; братья ещё не наварили «батькина солода», и радуга после потопа ещё не встала «обручем на водолике». Всё готово, но ничего не произошло. Произойдёт в следующем участке — с громом.

§3. Падение

Начало: «Падение (бабабабах»

Гром — и первое событие книги: падение «некогда стеностройного старпёра», он же Шалтай-Болтай со стены и каменщик Финнеган. Об этом падении рассказывают «сызмала на сон грядущий, а там и на веку, по всей христьянской скоморошине» — это и детская сказка, и вся история. Упавший так велик, что голова шлёт «почемучку» на запад искать собственные пятки: голова лежит на Хоуте, ноги — «у Нокаутова кургана в парке», а сам Шалтай-Болтай разломан надвое: «шалтаймакушка» и «болтайпяток». Там, где лежат ноги, «померанцы ржавеют с миром на зелёном лугу»: оранжевые и зелёные, протестанты и католики, лежат рядом «с

тех пор, как Дьяблин впервые полюбил Ливушку», — с тех пор, как город полюбил свою реку.

Громовое слово. В нём ровно сто букв, как и у Джойса. Внутри прячутся «бабах», «Вавилон», «гром», «грохот», имена богов-громовержцев — славянского Перуна, литовского Перкунаса, латышского Перконса, финского Укко, — Илья-пророк, который по народной вере гремит на небе в колеснице, и в конце «грохнулся». Таких слов в книге десять; каждое отмечает поворот истории.

§4. Драка всех со всеми

Начало: «Что за сшибка тут охоты с неохотой»

После падения — шум вечной войны всех со всеми: «сшибка… охоты с неохотой» (у Джойса — воли с неволей), остготы с вестготами, оружие всех эпох в одной куче — «Осадегаи и бурьмеранги», — лягушачий хор из «Лягушек» Аристофана, «Бре́ккек Ке́ккек», и колокола: «Колоколотьба: по ком, по ком». Мелькает и первая братская обида: «Какое истинное осязанье ихнего сенаследника при каком соломощном гласе ложного Икакова!» — слепой Исаак на ощупь принял руки Иакова в козьей шкуре за руки Исава, хотя голос был Иакова. Посреди сумятицы «Хоутом распластался» поверженный «праотец блудодеев», а над ним раскинулась радуга, «знаменье кроткого благовещенья»: обещание, что потоп кончится. Старые дубы лежат в торфе, на месте золы

растут молодые вязы. Отсюда закон книги: «Пасть — по охоте, восстать — по неволе». Упасть можно по своей воле, а подняться придётся непременно.

§5. Строитель

Начало: «Строитель Финнеган Заикорукий, вольный каменщик»

Кто такой упавший. Финнеган — «вольный каменщик» и богатырь, живший «на самую широкую ногу» ещё прежде, чем были написаны книги Библии. Он строил по берегам реки дом на доме, любил свою маленькую жену Аннуську, выпивал и прикидывал высоту, пока его башня не поднялась до небес — «весь из себя башня», «с неопалимой купиной набекрень на вавилонной маковке». Это гордыня строителя, за которой следует падение: башня тут Вавилонская, а сам «Строитель» — из пьесы Ибсена «Строитель Сольнес», чей герой падает со своей башни. В скобке — притча: он сунул голову в бочку, чтобы увидеть своё будущее, а вода «мощью Моисеевой» «евыпарилась» (с Евой внутри), и «всему гиннесбытию пришёл исход» — Гиннесс, Бытие и Исход разом. А по лесам снуют «с ворисами — шмыг наверх, и с глебовёдрами — шмяк вниз»: Борис и Глеб пополам с ворами и вёдрами.

§6. Герб

Начало: «Из первых был он, кто голыми руками взял герб и имя»

Финнеган — как Адам: «Из первых был он, кто голыми руками взял герб и имя» (в «Гамлете» могильщик острит, что Адам первым имел arms — и руки, и герб). Он же Василий Буслаев из «Новгорода Великаньего», буйный богатырь новгородских былин. Герб описан по правилам геральдики, но каждая фигура — намёк: нашлемник «ухоральдический», от уха (герой вечно подслушивает), в поле козлище «при сенных девках смутных», на щите «солнце второй свежести», как осетрина у Булгакова, а строка «Х — хмель для хлебороба, что хватает хомут» написана на одну букву, букву героя. И звучит насмешливый припев-пророчество: «быть тебе мистером Финнипаки!» — Финном снова. С утра понедельника вино, к воскресному вечеру уксус: всё, что взошло, скиснет и начнётся опять, а Финн будет «финоватым паки» — и снова Финном, и снова виноватым.

§7. Отчего он упал

Начало: «Какая ж тогда нелёгкая принесла»

Почему он упал? Спорят до сих пор, и здесь начинаются пересуды, которыми полна вся книга. «Наш каабак и по-

ныне ходуном ходит» от грома (кабак пополам с Каабой), а «козлогласие нехалифицированных муэдзиномётов» норовит «очернить белейший камень, какой только черепахнулся с небес» — как камень Каабы, упавший с неба, и как доброе имя героя. Следом звучит пародия на мусульманскую молитву. Версий «тысяча и один» (ровно столько букв во всех десяти громовых словах книги), «и все — сказка про белого бычка»: то ли «прилетело полкирпича с браком», то ли «колляпсус задних его обетов». А настоящая причина — первородный грех: «так горько вкусил Адамушка Евушкиных святоалых вавилоблочек», что «в одно недоброе утро Филя пал, налитый по самую завязку». Между этими словами — опись шумного города, в которой проступает Петербург: «громкамней», «Сенная сучка», «преображенские казарки». И само падение: «Тим! Он запнулся на лествице. Там! Он дал дуба. Туп!» — «Всему белу свету на позорище». День падения — «трагикозий грозоверг»: трагедия (по-гречески «козлиная песнь»), гроза и четверг, день громовержца.

§8. Поминки

Начало: «Ражмер? Шпрашиваешь!»

Поминки, как в песне. Все пьяны и шепелявят («Ражмер? Шпрашиваешь!»), плачут, поют, пляшут канкан и зовут покойника: «Макул, Макул, ой да на кого ж ты помер?» — Финн Мак Кул, великан ирландских легенд, и русский плач

«на кого ж ты нас покинул». Отпевают его «с их глубоколобыми воззвахами да скрипучими приидитами» («Из глубины воззвах», «Приидите, поклонимся»), величают Приамом Стародубычем — троянским царём и старым дубом — и укладывают, как велит песня: выпивка в ногах, «С бокалипсисом финишовки», пиво в головах, «с курганом гиннесбытия». Плач и пир здесь неразделимы: поминки в этой книге — всегда праздник, а праздник — всегда немного поминки.

§9. Великан на блюде

Начало: «Ура, одна лишь младая радуница»

Мёртвый великан оказывается и пейзажем, и пиром. Он лежит «во всю тушу» через весь город — «от Ясенева до Филей, или от Купчина до Изголовья», — ветры поют ему «скалыбельную», а жена будит его своей свирелью. Потом «Молитва перед мясоедом» — и тело становится угощением: «Кто на блюде лежит? Финфуфу, рыбьим духом разит»; вместо головы горбушка, в хвосте эль. Это и поминальная трапеза, и причастие: тело героя делят и едят, как хлеб. Но «только соберёшься выкушать» — его уже нет: «он был да сплыл», «Лишь выцветограф вчерашней сцены». На блюде — «Сёмганассар», сёмга с именем ассирийского царя: Финн Мак Кул обрёл мудрость, отведав Лосося знания, и с тех пор герой — ещё и рыба. А сам он спрятан в «храпит чинно, эдак раскинувшись» — Х.Ч.Э.

§10. Спящий великан и вход в музей

Начало: «И всё же не узрим ли мы и доныне»

Великан не исчез: он угадывается в пейзаже и сейчас, «в нашей собственной ночной тьме». Голова — «на Вересковой Горе», то есть на Хоуте, пята — «в Исетской Лавре», то есть в Чейплизоде, глиняные ноги торчат «у самого горба магазейного вала». Рядом — жена: «все мы любим маленькую Анни Руину», Анну Ливию под зонтиком; строка «Храпит честной эдил. А Любушка — подле.» прячет обе монограммы, Х.Ч.Э. и А.Л.П. (у Джойса тут латинская надгробная надпись с теми же буквами). Краснодевичий союз — это сами девушки (у Джойса — Бель-Альянс, «прекрасный союз», трактир у Ватерлоо); напротив них в кустах засада «Фокуса да Покуса», а вдали — «две белёхонькие деревоньки», «прелестницы»: вот уже и вся сцена в парке — отец, две девушки и солдаты. Отсюда виден «Кутузингтонов каменный народный музей», курган с обелиском, а поле битвы — Бродина, Бородино с бродом (у Джойса Ватерлоо, где слышна вода). Вход бесплатный, ключ у Кати, и после каждой фразы она ждёт «Чай» — на чай.

§11. Музей Кутузингтона

Начало: «Это сюдой в музейную. Шапки долой, как вхо-

дите!»

Самый смешной кусок главы — и первая полная версия сцены в парке, разыгранная как битва. Старая Катя водит нас по музею и тычет пальцем: «Это... Это... Это...» — каждая фраза цепляет предыдущую, как в «Доме, который построил Джек», а после каждой — «Чай»: дайте на чай. В скобках, как выкрики болельщиков, звучат реплики игры: «(Бычье копыто! Любо!)», «(Бычье ухо! Играй!)», «(Бычья тряпка! Судью на мыло!)», «(Бычий глаз! Шах и мат!)».

У Джойса это Ватерлоо: Веллингтон против Наполеона. Здесь битва переехала в 1812 год, и вместо Веллингтона — Кутузингтон, Кутузов с Веллингтоном в одном лице (он же «Убилларионыч» — убил и Илларионович). Музей восковых фигур, экскурсия, бой, детская игра и семейная ссора идут одновременно: старый полководец, три маленьких противника и две девицы — это отец, сыновья и девушки из парка. Это главный сюжет книги в миниатюре: старик подглядывает, молодые его дразнят и в конце концов одолевают. Названия — из 1812 года: «Березиновой каши» — Березина и розги; депеша Жень, подписанная «Нап.», — на ломаном языке: «Мы есть страх побеждать!»

Кто здесь.

Кутузингтон — старый полководец верхом на белом коне. Это отец, наш герой.

Линолеоны — три маленьких Наполеона (Наполеон плюс линолеум: фигурки на полу, как солдатики). Это три солда-

та, сыновья-соперники. Их зовут Ваня, запорохец и Ясь — русский, украинец и белорус, как у Джойса англичанин, шотландец и валлиец.

Жени — две девушки (у Наполеона было две жены, Жозефина и Мария-Луиза; слышны в них и «джинны»). Они делают вид, что читают своё наставление «по страстегии», а сами «справляют малую войну» — то есть малую нужду — у Кутузингтона под бочком, а он смотрит на них в свой «столпоскоп». Вот она, сцена в парке, о которой будет судачить вся книга.

Бельчум — посыльный, гонец с депешами (у Джойса — Бельгия, где и стоит Ватерлоо).

Шимар Шин, «хинду», «сипай» — индийский солдат на английской службе. В конце он дерзит старику и сдувает с хвоста его коня половину треуголки — сын бросает вызов отцу.

Хиннесси и Дули — пьяные зеваки (так звали двух болтунов из американских газетных фельетонов; Хеннесси — ещё и коньяк).

Конь Кутузингтона зовётся то Копенгап, то Копинадёже, то Каюпомоги. Это Копенгаген, конь Веллингтона.

Что происходит, если совсем просто. Девушки дразнят старика и всех трёх солдат. Старик и девушки обмениваются насмешливыми депешами. Солдаты дерутся между собой. Девушки удирают. Старик подбирает с поля половину треуголки противника и в насмешку цепляет её на хвост

коня. Индийский солдат в ответ дерзит и сдувает её прочь. «Хлоп, чик — этак кончился Копенгаген». По первым буквам — снова Х.Ч.Э.

§12. Курочка на поле боя

Начало: «Уф!» — и дальше: «Ну и жаркое ж дело было там у нас»

После мужской войны — женщина, которая за всеми подбирает. Выйдя из музея («Уф!»), рассказчик шёпотом сообщает, где живёт «она»: «Под горою, под Кудыкиной горою», «нумер — двадцать дивять». По полю после битвы бродит «корябая пташка» — корявая и рябая, как Курочка Ряба, — с двенадцатью прозвищами по её делам: «побегунья, поделунья, помолунья» и дальше. Участники битвы разлетелись: «Голубков наших пара» — на север, «Троица ворон» — на юг, а павший Ампиревун лежит «Под семью своими ротщитами». Птица боится гроз, но «нонче в ночь перемирие» — «пирмирие», пир и перемирие, — и она складывает в «хапсак» всё подряд: пуговицы, кости, ключи, броши, подвязки и «последний вздох, что с сердца слетел». Мать сберегает то, что мужчины разбили. Кончается всё поцелуями, как письмо, а пир обещан «для хохлатых чад этого света» — снова Х.Ч.Э.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.